

В И Ш И *

Ж. и Ф. Буржен

В настоящее время трудно претендовать на возможность дать точную картину периода между перемирием (1940) и освобождением Франции. Выпуск большого количества книг, опубликование ряда документов и международное и национальное правосудие помогли пролить свет на определённые аспекты событий, но эти материалы могут скорее служить лишь документацией для будущих историков.

В настоящей статье мы хотели бы попросить вкратце обрисовать некоторые стороны политики вишійского режима в период между перемирием, вступившим в силу 25 июня 1940 г., и освобождением Парижа 25 августа 1944 года.

Согласно договору о перемирии, немцы расчленили Францию на пять зон: аннексированную, запретную, оккупированную и свободную, пятой зоной можно считать 1800 тыс. пленных, которые увозились в Германию. Такое расчленение на зоны позволяет по-

* Настоящая статья представляет часть большого обзора «От оккупации до освобождения», который любезно прислали нашему журналу авторы обзора — известный французский историк Жорж Буржен и его сын Франсуа Буржен. Недостаток места вынуждает редакцию ограничиться публикацией данной части статьи Ж. и Ф. Буржен.

стичь, наряду со стратегическими соображениями, и более далёкие намерения немецких руководителей. Это были давно известные намерения пангерманцев. Запретная зона на Востоке, западной границей которой была Лотарингия 843-го или, скорее, 855-го года, резервировалась для немецкой колонизации, и с 1940 г. немцы стремились изгнать оттуда местное население или помешать ему вернуться. Север Франции также был отнесён к запретной зоне, административно его связали с Бельгией, которую немцы рассматривали как германскую страну, единую с Голландией; всё в целом должно было образовать государство Тюис (Thiois). В Бретани проводилась интенсивная автономистская пропаганда, которая была опрокинута презренным военнопленных бретонцев (им предлагалось освобождение, если они примкнут к сепаратистскому движению) и всего оставшегося местного населения. Остальная Франция, лишённая своих самых богатых земель и главных отраслей промышленности, могла, согласно немецким планам, пользоваться относительной автономией в рамках объединённой немцами Европы, — конечно, при условии равенства своего режима и своей экономики на нацистскую систему.

Своей ближайшей основной целью в отношении Франции немцы ставили овладеть сырьём и снова пустить в ход французскую

промышленность для поддержки немецких военных усилий. Немцам нужна была также рабочая сила, всё больше и больше людей. Эта рабочая сила составлялась из военнопленных, добровольцев и затем рабочих, отправленных по спискам на работу в Германию, лиц, мобилизованных на принудительные работы, ссыльных в лагеря медленной смерти, где человеческое существо, прежде чем погибнуть, использовалось до полного истощения.

В наши намерения не входит рассказывать здесь о немецкой экономической политике и её приёмах, опустошивших страну и обеспечивших подчинение её предприятий немецким захватчикам, о реквизициях и грабежах, индивидуальных и коллективных закупах, возможности которых обеспечивалась теми сотнями миллионов, которые ежедневно уплачивала Франция по издержкам оккупации.

Для достижения своих целей немцы использовали различные средства. В зависимости от военной ситуации, отношения населения и французских властей, они прибегали и к убеждению и к угрозам, переходили от «исправления» заложников к их казни.

В идеологическом плане было использовано понятие «нового порядка». Чтобы привлечь на свою сторону французов, немецкая пропаганда подчёркивала выгоды «сотрудничества», «социалистический» характер нацистского режима, интересы «объединённой Европы», спекулировала на стремлении сохранить Францию как колониальную империю, на эле, причинённом Франции «еврейско-капиталистической Англией», и, наконец, на опасности коммунизма. В этом духе уроки французам настойчиво старался преподнести д-р Гримм.

Однако чисто экономическое сотрудничество по необходимости быстро оказалось подчинённым сотрудничеству политическому, всё более и более неукоснительному контролю, тяготевшему и над французским законодательством и над назначением высших чиновников.

Вовлечь французов в немецкую игру посредством более гибкой политики, на основе директив Риббентропа, пыталось немецкое посольство во Франции, которым руководил Абетц. Эта политика довольно быстро пришла в столкновение с военными требованиями немцев. Наряду с представителями армии, вроде Штюльпнагеля, всемогущее военное управление под командованием д-ра Михельс дало инструкции об установлении во Франции регулируемой экономики, включённой в военную экономику рейха. Единственным критерием этих инструкций являлось точное выполнение Францией возложенных на неё поставок. Это привело к возникновению частых конфликтов между посольством и военной администрацией. Но по мере того, как положение Германии становилось всё более тяжёлым, полицейские учреждения и репрессии брали верх. «Служба безопасности» (СД), гестапо и СС стали проводить во Франции ту единственно знакомую им политику террора и репрессий, перед которой ступивывались все другие немецкие ведомства.

Какой могла быть позиция правительства Петэна перед лицом Германии? Правительство было образовано 16 июня; 17 июня была опубликована просьба правительства о перемирии, в результате чего множество плохо информированных солдат прекратило борьбу с этого же числа. После зловещих интриг в Бордо, над которыми витали тени Лавалья и Марке, и после вступления в силу перемирия, с 25 июня, новое правительство обосновалось 2 июля в Виши, покинув Клермон-Ферран, куда оно прибыло за день до того.

Первой его задачей была ликвидация прежнего режима. 9 июля в Виши были созваны палаты парламента. На предварительных совещаниях выступил Лаваль с проповедью конституционных реформ, которые 9 июля были в принципе приняты сенатом и палатой депутатов. На другой же день, образовав Национальное собрание, голосами 569 депутатов против 80 при 20 воздержавшихся (из 669 присутствующих) и сенат и палата депутатов всю власть передали маршалу Петэну для образования новой конституции, которая должна была быть одобрена нацией. Парламент дал себя лишити суверенитета без какого-либо энергичного противодействия. Вскоре был опубликован «конституционный акт» об отсрочке заседаний палат; их бюро, проведённые в соседние курортные города, продолжали ещё некоторое время владеть жалкое существование. Другие «конституционные акты» устанавливали полномочия 88-летнего «главы государства», которому, в свою очередь, передал права и президент республики Альбер Лебрен. Отныне Петэн располагал как исполнительной, так и законодательной властью, прежде чем присвоить себе и судебную власть.

12 июля был переформирован кабинет. В него вошли Лаваль, Алибер, Марке, Бодеэн, Бутийе, Вейган, Дарлан, Пиетри, Лемери, Белен. Лаваль был назначен восприемником Петэна.

Напрасно искать в этом вишійском режиме какую-то единую политическую программу. Многочисленные министерские реорганизации выражали лишь непостоянство доктрин и индивидуальные аппетиты. Поэтому можно лишь достаточно произвольно различать два периода вишійского режима — период ожидания, атлантизма, когда ориентировались, конечно, на авторитарный режим, но сохраняли в то же время некоторую оригинальность, период сотрудничества с немцами, с ноября 1942 г., когда волей-неволей проводилось полное равнение на нацистский режим. Вначале ещё фигурировало некоторое число парламентариев, временно являвшихся неизбежными; рядом с ними — правые интеллигенты, некоторые из них — с монархистскими тенденциями; наконец, высокопоставленные чиновники, либо военные; этих людей объединяло лишь их отношение к перемирию. Но с 6 сентября начинается перестройка: вытесняются парламентарии — Ибарнегере, Марке, Лемери, Пиетри, равно как и неудобный Вейган, которого посылают в Северную Африку. Затем ведётся подготовка к тому, чтобы отстранить от власти и Лавалья.

Решающими здесь были, кажется, два факта: свидание в Монтуаре и возвращение останков «Орлёнка» в Париж. 22 октября 1940 г. Лаваль был принят Гитлером, проезжавшим через Францию после беседы с Франкго. Они пришли к согласию относительно встречи, которая должна была произойти через день между маршалом и фюрером. Без всякой подготовки Петэн в автомобиле отправился через оккупированную зону и прибыл в Монтуар. Здесь Гитлер просил его принять принцип франко-немецкого сотрудничества и рисовал перед ним заманчивую картину тех выгод, какие извлечёт из этого Франция, начиная с возврата военнопленных. Возможно, факты о свидании в Монтуаре когда-нибудь уточнятся; во всяком случае, после этого свидания, 26 числа, Петэн обратился к стране с новым посланием, в котором впервые содержались намёки на «сотрудничество» и который разразился над французами подобно грому. По тому, как реагировали на это послание различные круги Франции, Петэн сам мог судить о том, какой ущерб его престижу нанесла протянутая им немцам рука. Некоторые, вроде генерала де ля Лоренси, подчёркивали, что поиски соглашения были признаком слабости или беспокорства со стороны немцев. Последние придумали жест, проникнутый показной немецкой романтикой и рассчитанный на приобретение дружбы французов, — вернуть со всей театральной церемонией останки «Орлёнка», о которых, конечно, никто во Франции давно не помышлял. При этом Лаваль направил свою суебливую деятельность на отправку маршала по этому случаю в Париж для встречи с Гитлером. Поездку намечалось осуществить в середине декабря. Тем временем Бутилье, Дарлан, Бодуэн, Пейрутон, Разио, генерал Хютцингер и адмирал Платон тайком сговорились об устранении Лавали. Петэн, который, казалось, согласился на путешествие в Париж, получив нагоняй от своих министров, неожиданно 13 декабря созвал совет министров и потребовал от всех министров прошения об отставке. Получив прошения, он возвратил их всем, кроме Лавали и Рипера. Ночью Пейрутон организовал арест Лавали государственной полицией. Защитные отряды Метенье, поднятые на ноги Алибером, дополнили эту комедию маленькой арией в духе итальянского Возрождения. На следующее утро в Париже был арестован Деа, на что немедленно и самым решительным образом реагировал Абети. Именина место вечером того же дня во дворце Инвалидов церемония, на которую был делегирован Дарлан, завершилась в довольно возбуждённой атмосфере, а через 48 часов Абети, заставивший выпустить Деа, в сопровождении военного отряда явился в Шателоне на поиски Лавали (который содержался под охраной в своём поместье) и увёз его в Париж. Де Бринон, который сам 13 декабря в течение нескольких часов находился под арестом, получил повышение и был назначен генеральным уполномоченным правительства на оккупированной территории, заняв место генерала Лоренси. Чтобы заменить Лавали хотя бы по министерству иностранных дел, обратились к Фландену. Послед-

ний, считавшийся сторонником английской дружбы и в то же время бывший автором известной поздравительной телеграммы Гитлеру, казалось, хорошо воплощал политику атлантизма. Между тем Лаваль стремился восстановить отношения с Виши, и 18 января 1941 г. встретился с маршалом в Ферте-Отрив, после чего было опубликовано коммюнике, констатировавшее, что «недоразумения» 13 декабря рассеялись. 4 января Бодуэн подал в отставку; 28 января ушёл Алибер, замещённый в министерстве юстиции Жозефом Бартеlemi. Пейрутон отправился в Буэнос-Айрес.

Тем не менее кризис продолжал обостряться. В это время на вишйском горизонте поднималась новая звезда — Дарлан. Адмирал Дарлан совещался с Лавалем, с немцами, затем он унаследовал от ушедшего 9 февраля в отставку Фландена министерство иностранных дел. Кроме того он взял себе пост заместителя председателя совета министров, положив начало периоду адмиралов и синархов. Более того, Дарлан был намечен как эвентуальный преемник Петэна. 25 февраля был сформирован его кабинет. Наряду с некоторыми прежними министрами (Хютцингер, Ж. Бартеlemi, Казио, Бутилье) в кабинет вошло несколько умеренных членов, вышедших из кругов университета, — Каркопико, Ж. Шевалье; германофилы, вроде Платона или Бенуа-Мешена; один синдикалист — Белен; дельцы — Пуше, Барно, Леидё. Хотя Дарлан проделал большую часть своей карьеры в министерских кабинетах и был законченным оппортунистом, ловким, лишённым предрассудков интриганом, он не был крупным политиком. Притом этот человек, несмотря на безудержную пропаганду его личности, никогда не пользовался во Франции ни малейшей популярностью. Он последовательно устранил со всех руководящих государственных постов людей, которые могли бы, как ему казалось, затмить его, и заменял их дисциплинированными адмиралами. Что касается членов фашистской организации-синархов, то надо надеяться, что когда-нибудь будет пролит свет на существование и действительное влияние этой секты и на её связи с кагулярами. Пока в этой связи можно лишь сказать, что благодаря Дарлану к власти пробиралась тесная компания молодых карьеристов, обладавших острым аппетитом и любопытным образом связанных с банком Вормс. В последующие 15 месяцев диктатуры Дарлана, благодаря многочисленным переменам внутри кабинета, они упрочат свои позиции и введут в кабинет Мариона, вышедшего совсем из другой среды. Конечно, это можно в известном смысле назвать периодом ожидания, Дарлан действительно хотел сохранить возможность выбрать победителя наверняка. Атлантизм этот был тем не менее весьма относительным, ибо одновременно Дарлан в Берхтесгадене 11 мая 1941 г. готовил уступку Германии важных баз нашей империи. При Дарлане же 22 октября Пуше, ставший министром внутренних дел, пошёл на то, чтобы наметить к расстрелу в Шатобриане 27 жертв; другие группы заложников расстреливались в Нанте и в Бордо.

Таким образом, не было никакой необходимости изгонять Лаваль. Последний, как и Деа, не погиб от дула Колетта и изо всех сил старался вернуть власть. В этом стремлении его поддерживали парижские коллаборационисты. Того же хотели и немцы. Несомненно, что среди прочих вещей об этом Петэну говорил Геринг 1 декабря 1941 г. в Сен-Флорентен-Версиньи. 26 марта 1942 г. под сенью Райданского леса Петэн встретился с Лавалем. В начале апреля одно за другим следуют коммунисты, знаменовавшие всякий раз улучшение отношений между этими двумя людьми. 18 апреля Лаваль сформировал свой второй кабинет. В него вошли Ж. Бартелеми, а вскоре и Бонафу, д-р Грассе, затем высокопоставленные чиновники Бревье, Жибра, генерал Бриду, заменивший Хютцингера, убитого в военном самолёте, и адмирал Офан в качестве морского министра. Но нелепый и опасный Абель Боннар стал во главе народного образования, а зловещий Бринон сделался уже не только послом, но и государственным секретарём, так же как и адмирал Платон и Бенуа Мешен. Кроме того друзья Лавалья, Катала и Лагардель, получили министерства финансов и труда.

Чтобы предохранить себя от возможного повторения событий 13 декабря, Лаваль добился 19 апреля появления 11-го «конституционного акта», отделившего функции главы государства от функций главы правительства. Ответственность за власть несёт фактически по этому акту глава правительства, которому принадлежит руководство внутренней и внешней политикой. Но Петэн, в свою очередь, хотел предохранить себя от Лавалья. Поэтому он, с одной стороны, оставил за собой право сместить Лавалья, а с другой — сохранил под начальством Дарлана армию, флот, авиацию, причём Дарлан был подчинён лишь маршалу.

В то время как Дарлану, утверждавшему, что он является единственным хранителем воли маршала, предстояло в замешательстве и интригах окончить свою карьеру в Алжире, под пулями монархиста Бонье-ла-Шанель, Лаваль усиливал свою власть и преобразовывал свой кабинет. Отныне он обладал законодательной властью и должен был заменять главу государства в случае, если временные помехи помешают последнему исполнять свои обязанности. Жибра и адмирал Офан были заменены Бишелонном и адмиралом Абриалем.

В начале 1943 г. появились новые персонажи, вскоре приковавшие к себе внимание: Крейсель, назначенный генеральным секретарём по информации, Габольд, занявший место Ж. Бартелеми, и Биео вместо Абриала. Эволюция на этом не заканчивается. К концу 1943 г. Лаваль ещё раз приступил к новой министерской перестановке. Он назначил Филиппа Энрио секретарём по информации и возвёл Мариона в ранг государственного секретаря при главе правительства; деятель вишистской милиции Пласенсье 3 апреля 1944 г. заместил Бонафури по продолжительному отсутствию. По мере приближения крушения вишистского режима назначения становились всё более характерными. 16 марта Деа был назначен министром

труда и — это звучит великолепно! — министром «национальной солидарности». Наконец Дарнан, уже назначенный генеральным секретарём по охране порядка, производится в государственные секретари по внутренним делам. Энрио, Деа, Дарнан — таковы три последних вишистских министра. Достаточно назвать их, чтобы был охарактеризован весь режим. По крайней мере, даже у самых легковверных людей больше не оставалось сомнений в его сущности.

Какова же была доктрина правительства Виши? Выше говорилось, что её вообще не было. Тем не менее, по крайней мере вначале, были предприняты усилия породить на свет некий «новый режим», добиться принятия его французами и вооружить его каким-то идеалом. Французам до одурения вдалбливалось несколько положений, которые не находили никакого подтверждения в окружающей действительности. Не будем возвращаться к «новому порядку» — этому инструменту, ввезённому из германизированной Европы. С самого начала, в то время когда волновались некоторые окружавшие Петэна монархические элементы (и притом напрасно, ибо он никоим образом не собирался с кем-либо делить абсолютную власть, которой был облечён), термин «Республика» сменяется, но не заменяется выражением «Французское государство». Эта неточность выражения, списанная, впрочем, с германского образца, выдаёт одновременно и страх и замешательство новых правителей, не осмелившихся дать имя новому режиму, чувствовавших себя неуверенно и желавших в то же время возглавить государство могущественной исполнительной властью.

Конституция, которую было поручено составить Петэну, никогда не увидела свет, ибо режим так и остался без точного определения. Но в мэриях бюст Марианны часто заменялся бюстом Петэна. Это неуклюжее новшество, являвшееся делом переусердствовавших льстецов, хотя и казалось очень смешным, тем не менее было показательным. Желание создать что-то новое толкало руководителей режима на изменения опасного характера: так, трюфистский лозунг «свобода, равенство, братство» был заменён лозунгом «труд, семья, отечество». Какой мрачной иронией звучало это выражение, когда французы должны были отправляться рабами далеко от своих родных, во вражескую землю!

Но чаще всего для характеристики нового режима руководители его использовали выражение «Национальная революция». Это выражение давно, ещё до войны, входило в политический словарь заговорческих лиг.

В общем и целом дело шло о реакции против наследия 1789—1848 годов. Демократическая система, которую объявили ответственной за происшедшую катастрофу, должна была быть заменена «революцией», пришедшей сверху и осуществлённой куклой избранных, элитой. Многочисленные послания Петэна резюмировали главные принципы этой «революции», которой суждено было так быстро вылить свою контрреволюционную сущность. Эти принципы, частично со-

ответственность взглядам Жозефа де Местра, де Шлей, де Турдю Пэна, были использованы злостными преступниками, которые, прикрываясь ими и шумно ссылаясь на них, действовали во вред нации.

В посланиях Петэпа индивидуализм подвергался атакам во имя семейной профессиональной либо национальной общности. Отсюда возрождение исторически устаревшего понятия «корпоративизма», которое прикрывало интересы «организационных комитетов» различных отраслей хозяйства. Декларировалось, что власть должна идти сверху вниз, в виде правильной пирамиды, но при этом не могли ясно ответить, на чём эта власть может быть основана, поскольку она не зависит больше ни от выбора граждан, ни от божественного права. Призывали вернуться к старым французским добродетелям, особенно к добродетелям крестьянским; отсюда столь превозносимый «возврат на землю», которого на первых порах желали и немцы. Последние с удивлением слушали вопли руководителей нового режима во Франции о благотворности страдания, якобы возрождающего Францию и являющегося наказанием за прошлые ошибки и материализм французов.

Действительность же резко расходилась с декларациями и призывами. Ибо если правительство Виши и стремилось на словах установить систему «отеческой власти», то страна не подчинялась этой системе и власть превращалась в террор.

Надо ли при этом подчёркивать, что деятельность правительства Виши практически распространялась лишь на одну так называемую свободную зону? Оккупированная зона, теоретически находившаяся под суверенитетом этого правительства, в действительности зависела только от немецкой власти. Так, префекты оккупированной зоны, которые, казалось, были облечены всемогущей административной властью, в действительности были целиком подчинены врагу. Органом передачи немецких приказов служила генеральная делегация правительства Виши в Париже, находившаяся в руках де Бриана. При втором кабинете Лавала ускорилось возвращение в Париж технических министерств. Однако это не только не вызвало роста влияния правительства на оккупированную зону, но привело к ещё большему подчинению его немцам.

Что касается Эльзаса-Лотарингии, то там в полной мере осуществлялся пангерманизм: неместные департаменты, рассматриваемые как германская земля немецкой расы, были фактически аннексированы с момента перемирия.

Исходя из указанных соображений, немцы, не довольствуясь овладением этими департаментами, намеревались вернуть всех их жителей, бежавших во Францию. Всеми средствами: убеждениями, угрозами, шантажем — немцы старались заставить их вернуться домой и в то же время прилагали все усилия для уничтожения возможности «осквернения» от французов. Не разрешалось возвращаться чиновникам, а оставшиеся в этих провинциях чиновники изгонялись. Запрещалось всё, что напоминало Францию: французский язык, книги. 7 августа 1940 г.

туда были назначены два гаулейгера Вагнер и Бюркель. Со стороны Виши, уже получившего тревожный сигнал от Висбаденской комиссии по перемирию, 3 сентября был заявлен лишь слабый протест. С тех пор продолжалось мученичество этих двух провинций, не имевших даже утешения в виде поддержки со стороны французского правительства. Деятельность немцев по «перевоспитанию» эльзаслотарингцев особенно была направлена на молодёжь: несправимые изгонялись во Францию или выслались на Восток и должны были оставить на месте своё имущество. Было введено немецкое законодательство. С 25 апреля 1942 г. мобилизовали молодых людей: мужчин распыляли по немецким войскам, а девушек посылали в трудовые лагеря, где царил безнравственность. И так как управные головы эльзаслотарингцев нелегко воспринимали красоты нацистского режима, то всех сопротивлявшихся ему отправляли в лагерь в Ширмене.

Основные учреждения страны и её административная система подверглись реорганизации, направленной на уничтожение всякой общественной жизни и усиление централизации.

Были ликвидированы бюро обеих палат парламента, которые были сперва перенесены в Шатель-Гюйон, и с 1 октября 1941 г. прекратилась выплата вознаграждения депутатам. Были прикончены также и местные выборные органы. Сопротивлявшиеся новым порядкам или просто подозрительные члены генеральных советов департаментов были объявлены вышедшими официально в отставку. Закон от 12 октября 1940 г. отсрочил проведение заседаний генеральных советов департаментов и окружных советов. В начале 1941 г. генеральные советы были заменены департаментскими комиссиями из девяти членов. Комиссии носили чисто совещательный характер и строго подчинялись опеке префектов. Но весьма скоро стала очевидной бесполезность этих столь непредставительных советов: с момента прихода Лавала к власти они были заменены назначенными департаментскими советами. Однако и на этот раз совещательная роль и способ назначения делали эти организации совершенно неэффективными.

В области коммунальной, особенно в крупных городах, выборные муниципалитеты были заменены назначенными мэрами и муниципальными советами. Официальный правительственный вестник пестрил решениями о роспуске муниципальных советов и смещении мэров; в конце концов было решено допустить принцип выборности муниципалитетов в коммунах, насчитывавших менее 2 тысяч жителей, но выборы эти так и не были проведены. Благодаря такой системе назначений муниципалитеты потеряли всякий контакт с действительностью, а весь режим лишился какой-либо опоры.

Цензура, унаследованная со времени войны, продолжала распространяться на все виды публикаций, на все способы выражения мысли. Пресса, которую прихлопывают всякий раз, как она показывает себя недостаточно послушной, имела лишь возможность выбирать между гибелью и публикацией с

незначительными вариантами правительственной прозы.

Наряду с удушением общественной жизни правительство Виши изгоняло негодных лиц за пределы Франции,сылало, проводило административную чистку аппарата. Чистка администрации производилась на основании закона от 17 июля 1940 г., который позволял смещать чиновников и лишать последних уставных гарантий. Большое число чиновников вследствие этого закона поплатилось не за свою профессиональную непригодность, а за независимое поведение, за плохие отношения с начальством, за свои политические убеждения. Над оставшимися висела угроза произвольного смещения. Законом от 16 июля 1940 г. предусматривалось лишение французской национальности — эта смешная делегализация употреблялась против «свободных французов». Затем, 13 августа 1940 г., был издан первый закон, запрещавший существование тайных обществ. Опубликовывались самые «убедительные» истории, доказывавшие их ответственность за наши беды. Впрочем, это обычный приём тоталитарных режимов — находить и избивать козла отпущения.

На основе этого закона были распушены франкмасоны, а имущество их секвестрировано. Вскоре приступили к опубликованию списков франкмасонов: чиновники должны были поклясться честью, что они не принадлежат к этой секте. Охотой на франкмасонов прославился Бернар Фэй и его соратники, и эта организация вскоре стала вспомогательной полицией гестапо.

Познали изгнание и евреи. Первое положение о них было опубликовано 3 октября, одновременно с отменой декрета Крамье. Этим во Франции вводился немецкий критерий расы. Несмотря на сделанные попытки, в действительности нельзя приписать эти меры влиянию антисемитизма Дрюмона, давно забытого всеми во Франции, кроме нескольких экстремистов из «Action française» и «Je suis partout». Настоячивость, с которой вначале упирали на то, что речь идёт лишь о защите против «международного еврейского капитализма» и многочисленных, недавно иммигрировавших изразлитов, поддерживала заблуждение среди некоторых умов, легко подверженных ксенофобии. Но скоро, после того как в конце марта 1941 г. под руководством Ксавье Валла, а затем в 1942 г. — под руководством Даркье де Пелленуа была учреждена комиссарият по еврейским вопросам и было выработано новое положение о евреях, всякое заблуждение исчезло. Запрещение евреям занимать большую часть государственных должностей, заниматься свободными профессиями, где для них был введён *humerus claus*, а затем фактическое запрещение всякой торговой и промышленной деятельности привели к созданию бюро расследований, члены которого, часто ставившиеся с временными администраторами еврейского имущества, сами вскоре превратились в настоящих гангстеров. С соблюдением или без соблюдения формы происходил настоящий грабёж, жертвы которого, сперва в одной оккупированной зоне, а потом и по всей Франции, выдавались за тем немецкой полиции.

Со всей жестокостью свирепствовало преследование сторонников коммунистических идей. Законы от 14 и 26 августа 1941 г. усиливали предусмотренное за коммунистическую пропаганду наказание, которое отныне доходило до смертной казни. Воля прописки не пощадила и Генеральную конфедерацию труда; 9 октября 1940 г. был подтверждён её роспуск так же, как, впрочем, и роспуск конфедерации французских предпринимателей, Комитэ де Форж, Комитета владельцев угольных шахт. Это было новым проявлением лицемерия, ибо в созданных 16 августа 1940 г. организационных комитетах, обладавших высшей властью в различных отраслях промышленности, господствовали предприниматели. По-иному обстояло дело с Генеральной конфедерацией труда — она могла возродиться только в подполье, вне рамок быстро рухнувшей Хартии труда.

Полиция составляла объект всяческих забот различных министров внутренних дел. Рядом с «Национальной безопасностью» («Сюртэ женераль») появилось множество секретных полиций или же полиций не специального типа, которые взаимно контролировали друг друга; впрочем, их специализация служила помехой их полной эффективности. Так, рядом с особой полицией антимасонской службы, или антиеврейской, существовала полиция политическая, полиция продовольственного снабжения, контроля над ценами, охраны дорог и коммуникаций, потом антикоммунистический отдел полиции, а позднее — особые бригады по розыску «террористов» и партизан. После новых смещений мэров было проведено огосударствление муниципальной полиции. Полным ходом шла вербовка в полицию; полицейским выдавались мундиры, злополучно напоминавшие собой некоторые хорошие известные формы. Полицейские пользовались многими преимуществами, в том числе для молодёжи гарантировалось, что её не будут посылать в Германию. Были созданы школы полицейских кадров, подвижные группы резервистов, которые должны были заменить собой мобильную гвардию и бороться против партизан; группы эти размещались по-военному, в казармах и по всей территории страны.

Объектом глубоких изменений стало также правосудие и прежде всего — административная юстиция; она позволяла префектам без судебного решения заключать под стражу подозрительных лиц и держать в заключении осуждённых и после истечения срока наказания. Существующие концентрационные лагеря были использованы сперва для коммунистов. Затем число их увеличилось, и в них стали заключать и политических и уголовных преступников. Теоретически лагеря были специализированы для той или иной категории заключённых, но фактически деголлецев и коммунистов часто перемешивали с сутенёрами и дельцами чёрного рынка. Теоретически продолжительность заключения была зафиксирована, но добиться решения об освобождении было всегда трудно. Заключённых, находившихся зачастую в ужасающих условиях, угнетали неопределённость их участи и угроза внезапной немецкой расправы. Что касается юстиции не-

административной, то здесь наблюдался невероятный расцвет чрезвычайных трибуналов. И на самом деле суды присяжных и исправительные суды не обеспечивали новому режиму должной быстроты и суровости приговоров. Уже 25 ноября 1941 г. был изменён порядок образования судов присяжных. На военный суд, созданный 24 сентября 1940 г., с местопребыванием в Танна, был возложен разбор «преступлений и происков против безопасности и единства отечества». Затем появился специальный уголовный суд, порождённый законом 21 марта 1941 г.; он занимался рассмотрением дел о проступках, причинявших ущерб продовольственному снабжению страны. Затем появился специальный суд, карающий ночной разбой. Далее шли зловещие специальные отделения — творение Ж. Бартелеми—созданные законами от 14 и 25 августа 1941 г.,—их задачей было подавление коммунистической пропаганды. Наконец законом 7 сентября 1941 г. был образован «Государственный суд» с весьма туманными и подлыми функциями. Процессуальные нормы, которые должны защитить невиновного, были заменены абсолютным произволом. Не допускалась никакая апелляция против вынесенных приговоров, против ошибки по существу, против пороков в формальной стороне дела. В 1944 г. были созданы суды, имевшие своей целью подавление движения сопротивления. Это были военные суды, предусмотренные законом 20 января 1944 г., чрезвычайные уголовные суды по закону 14 мая и трибуналы охраны порядка по закону 16 июня 1944 г., на которые было возложено подавление террористической деятельности и дезертирства военных или чиновников со своих постов. После этого стало ещё меньше оснований говорить о правосудии. К этой пародии на правосудие обратился однажды Петэн по поводу ответственности за войну и поражение. 30 июля 1940 г. конституционным актом № 5 был создан Верховный суд, с местопребыванием в Риме, для суда над министрами и их непосредственными подчинёнными, которые изменили своему служебному долгу. В тот момент, когда Франция была поражена своими бедствиями и кричала об измене, новым властям предержавшим представлялось весьма удобным осудить всех бывших министров республики. Немцы, поддерживаемые бывшими монархистами и некоторыми генералами, которые не переносят указаний на недостатки нашей военной системы, также приветствовали бы вынесение торжественного приговора, устанавливающего и карающего ответственных за войну. Кто же не видел, что это вело к признанию виновности Франции? Другие элементы непрочь были ограничить постановкой вопроса об ответственности за катастрофу; но это затронуло бы военных, и в частности Петэна как бывшего военного министра в кабинете Думерга. Чтобы упростить дело и избежать этих трудностей, некоторые желали приговора, который не являлся бы следствием формального разбирательства. Одно время думали, что это последнее решение взяло верх. Действительно. Петэн решил сам судить Даладь, Леона

Блюма, Поля Рейно, Мандела, генерала Гамелена: они были подвергнуты заключению в одно время с другими политическими деятелями—Венсаном Ориоль, Максом Дормэй, Жюлем Мок, Помарэ, Жуо. 20 сентября 1941 г. был образован «Совет политического правосудия», составленный из 7 членов, который, почти без всякого следствия, вынес заключение об ответственности бывших министров. Менее чем через месяц Петэн вынес свой приговор, объявив Гамелена, Блюма и Даладь «виновными в измене своему служебному долгу». Несмотря на этот приговор, правительство после многих колебаний решило продолжить процедуру, возложенную на Верховный суд. Для того, чтобы сделать это решение приемлемым для Франции, Жозефу Бартелеми было поручено представить стране тонкое разграничение между политическим правосудием и точкой зрения строго юридической. Процесс начался 19 февраля 1942 г. под председательством Кау. Обвинение сводилось в конечном счёте в неудовлетворительной подготовке к войне и касалось лишь периода 1936—1939 годов. В конце концов доктор Гримм, посланный Гитлером, явился к Петэну с требованием положить конец этому процессу, который более совершенно не устраивал немцев, поскольку ни судьи, ни обвиняемые не считали Францию виновницей войны. Через несколько дней, 11 апреля 1942 г., закон — ещё одно юридическое нововведение — приостановил судебные прения. Суду было поручено пополнить свою информацию. Обвиняемые вновь отправлены в свои тюрьмы, откуда они были увезены немцами после оккупации всей Франции.

★

В самом начале правительство Виши для установления связи со страной создало национальный совет и правительственных комиссаров. Национальный совет был образован законом от 22 января 1941 г. и явился творением Фландена. Речь шла о собрании из 200 членов, призванном играть лишь совещательную роль. Вместе с лицами для представительства в нём фигурировало большое число парламентариев, особенно набранных среди членов «Демократического союза». На деле этот «совет», к которому Петэн относился неблагоприятно, ни разу не был создан, но некоторые из его комиссий несколько раз заседали. Произошло несколько отставок, и при втором кабинете Лавалы этот совет погрузился во всеобщее безразличие. То же самое произошло с правительственными комиссарами, этими современными *missidominiis*, посылавшимися в провинции, чтобы проветриться насчёт состояния общественного мнения. Они принимались префектами с опаской и были плохо подготовлены к выполнению своей задачи.

Несколько больший успех имели попытки, осуществляемые в плане административном, изменения, внесённые в организацию местных коллективов, в местную полицию и юстицию. «Великой» идеей Петэна была идея «возрождения провинции»; это была ещё одна историческая реминисценция одного порядка с возвратом к «корпоративизму», с «возвращением к земле», со всеми

этими возвратами к отжившим, хотят того или нет, вещам.

Префекты округов возглавили управление 4—10 департаментами; помощниками им были приданы два интенданта, один — полиции, другой — по экономическим делам. Окружные префекты, таким образом, особенно занимались охраной порядка и делами экономическими. Префекты департаментов, продолжавшие нести ответственность за порядок в своём департаменте, видели себя всё же лишёнными практически своих прав в этих вопросах в пользу интендантов.

Были созданы другие многочисленные должности по работе с молодёжью, в области пропаганды, а вскоре также в ведомстве трудовой повинности, не говоря уже о тех административных должностях, которые, хотя и не столь быстро, но не переставали расти в числе. Однако администрация от этого не делалась лучше. Множество лиц, очутившихся из-за войны без дела, устремилось в погони за должностями. В этой атмосфере Петэн, желая новыми узами привязать к себе администрацию, задумал требовать от чиновников присяги на верность. Он чувствовал, что эта администрация, хотя и получившая вследствие исчезновения местных выборных органов полноту власти, становится тем не менее всё более и более сдержанной. В августе 1941 г. появляются VIII и IX «Конституционные акты» с требованием присяги на верность от высших чиновников. Постепенно эта мера распространяется на всё более многочисленные категории. Присяга приносится чуть ли не всеми зависимыми лицами. А для вознаграждения верных вводится значок: секира древних франков (La francisque).

★

«Реформаторская» деятельность режима была особенно направлена на «благо» молодёжи и семьи. Несмотря на все усилия тоталитарных коллаборационистов, так и не удалось создать единую молодёжную организацию, наподобие германской. Существовали различные молодёжные организации, но в северной зоне немцы запретили их. Государство всё же стремилось контролировать и направлять все эти ассоциации; впрочем, они объединяли лишь меньшинство французской молодёжи. Производились более или менее насыщенные перестройки в скаутских и молодёжных туристских организациях. Назначались делегаты по работе среди молодёжи, на которых было возложено претворение в жизнь правительственных директив в местных условиях. Эти директивы, ничемные и весьма пустые, сводились к тому, чтобы заставлять петь, по возможности хором, песню «Маршал, мы здесь», прославлять ценность молодёжи, которой, в силу того лишь, что она молодёжь, будто бы присущи все добродетели, посылать детей маршировать на бесчисленные скучные официальные церемонии.

Кроме того повсюду были созданы школы по подготовке кадров; самыми известными из них были школы д'Урмаж и дю Майё де Монтань.

В них толковали послания Маршала, говорили о Пэги, спорили о корпоративизме,

хартии труда, о роли элиты. Более серьёзная работа была предпринята в лагерях для молодёжи (Chanturs de jeunesse).

Руководство лагерями было поручено генералу де ля Порт дю Тейль, который заполнял ряды лагерников бывшими армейскими кадрами. Но если людям надоедает в армии, то ещё труднее не почувствовать скуки в этих лагерях; военное обучение в них проводить нельзя было, в городах они никогда не размещались, жили в изолированных бараках. Чтобы занять и как-то использовать рекрутов, их посылали на всякого рода сельские работы, дававшие неизбежно слабый экономический эффект. После введения учреждений трудовой повинности множилось случаи дезертирства. Регулярные набеги на магазины и склады лагерей совершали партизаны и захватывали немало одежды и продовольствия. Многие лагеря немцы стали закрывать и увозить молодёжь в Германию. В начале 1944 г. почувствовалось приближение конца. Генерал де ля Порт дю Тейль вынужден был выйти в отставку и был арестован немцами. Лагери были отданы в ведение комиссариата по делам трудовой повинности, который пробовал превратить их в трудовые отряды. Наконец, 10 июня 1944 г., по приказу Деа, их распустили.

★

Политику Виши по отношению к религии и церкви можно резюмировать, сказав, что, с одной стороны, господствует новая атмосфера во взаимоотношениях религии и государства, а с другой, — что некоторые из принятых мер принесли церкви необычайные выгоды. Петэн не пренебрегал помпезными встречами на панертях соборов. Ни одна легионерская церемония не обходилась без мессы, присутствие на которой считали своим долгом все офицеры. Дух мертвечины, к которому старались приобщить Францию, не задевал католическую доктрину. Поспешность, с которой некоторые представители режима Виши устремлялись к церкви, не уступала ответному стремлению к ним навстречу прелатов. В результате ли катастрофы, или же вследствие позиции, занятой правительством, но проявление возрождения религиозных церемоний, в особенности всяких паломничеств, было несомненным. Было дано согласие на ежегодную субсидию в 400 млн. франков церкви для распределения между различными учреждениями «свободного преподавания» (т. е. школами, принадлежавшими религиозным организациям). По предложению Ж. Шезалье, профессиональные учреждения получили доступ к школьным кассам, затем к государственному кошельку и, наконец, — к генеральным конкурсам учащихся, а их школьные попечительства были приняты в члены «Федерации по внешкольному образованию» («Federation des oeuvres de l'enseignement public»). Впрочем, конгрегации пользовались и более легко добываемыми щедротами. Так было, например, с монахами шартрезского ордена: их действующему уставу придали необходимую гибкость,

Устремляясь к небесам, Виши занималось также и делами земными. Параллельно с организацией промышленного производства,

согласно закону от 16 августа 1940 г., создавшему организационные комитеты, на которые была возложена координация деятельности предприятий одной и той же отрасли промышленности, Петэн намеревалась создать систему, которая могла бы ликвидировать социальные конфликты. 4 июня 1941 г. был создан комитет, которому было поручено выработать хартию труда. Этим делом активно занялся Белен, бывший синдикалист, и 4 октября хартия была обнародована. В основу её был положен единый в данной местности или предприятии синдикат по категориям (рабочие, руководящий персонал, хозяева) и профессиям. Смешанный общественный комитет, в котором должны были быть представлены все категории, должен был регулировать могущие возникнуть разногласия и решать вопросы в местном масштабе. Об участии этого комитета в руководстве предприятием не было и речи. Каждая профессия должна была получить своё общественное здание, где будут сосредоточены организации вспомоществования и профессиональная документация. Тот же дуализм имел место и в окружном масштабе: окружные объединения синдикатов и смешанные комитеты. В национальном масштабе должны были быть созданы федерации синдикатов по социальным категориям и группам родственных профессий и рядом с ними смешанные национальные комитеты.

Легко уловить разницу, которая отделяла эту хартию от прежней французской профсоюзной организации. Прежде всего — единый синдикат, а не множество синдикатов. Затем — его принудительность, принудительность в двух смыслах: так как каждой профессии принуждаются вступать в него, то и принятые решения обязательны для всех членов вследствие публично-правового характера, признаваемого за новыми организациями.

Наконец, синдикаты должны были носить строго профессиональный характер; межпрофессиональные объединения, и в частности Всеобщая конфедерация, запрещались.

Таким способом надеялись ликвидировать всякую возможность рабочих коалиций и, следовательно, общей забастовки. Если же, тем не менее, употреблена корпоративная фразеология, что должно очаровать маршала, то она является корпоративной лишь в той мере, в какой между всеми профессиями воздвигнуты непроницаемые перегородки. Но вмешательство государства, которое, в конечном счёте, отдаёт всякое важное решение в руки правительственного комиссара или министра труда, в корне противоречит понятию корпорации. Были приняты все меры предосторожности, чтобы помешать какой бы то ни было политической деятельности новых синдикатов. Эти меры были столь основательны, что в рабочей среде новый закон приняли с абсолютным безразличием. Так рухнуло творение, о котором французам прожужжали все уши. Впрочем, некоторые категории трудящихся были изъяты из милостей хартии, и для них на деле были предусмотрены специальные постановления: это чиновники — их одарили регламентом, который пространно перечислял их обязанности и очень мало говорил об их правах, — и ар-

хитекторы, и врачи, для которых создавались особые правила. Наконец, надо специально упомянуть о земледельческой корпорации, диктатура которой осуществлялась в деревне и которая была единственным распределителем удобрений и семян.

После диктатуры Дарлана насилия, которыми она сопровождалась, Лаваль, в начале деятельности своего второго кабинета, под давлением народного недовольства, взывал к парламентариям (не возвращаясь к парламентаризму), ослаблял давление, тяготевшее над местными организациями. Оставаясь по отношению к немцам коллаборационистом, несмотря на своё подчёркнутое желание видеть Германию победоносной, он делал вид, что хочет держаться в рамках лишь необходимых уступок. Однако было уже слишком поздно: французы уже составили своё мнение о правительстве Виши, а немецкие требования делались с каждым днём всё более повелительными. Первоначальные заботы о реформах уступили место двум задачам: помощи трудящимся в Германии и сохранению порядка.

Заулекать давно уже требовал рабочих для Германии: пусть французская промышленность и работает для удовлетворения немецких заказов, нужно уславлять французских рабочих на немецкие заводы и заменять немецких рабочих, которые в свою очередь должны были восполнить потери немецкой армии, понесённые кампанией в России. Впрочем, и продукция наших заводов значительно сократилась.

Кроме того Германия хотела укрепить западное побережье «европейской крепости». Немцы закрыли не работавшие на них французские предприятия. Тогда-то Лаваль и выбросил лозунг «смены» (Relève) — в обмен на рабочих, которые добровольно поедут работать в Германию, во Францию будут возвращаться военнопленные. Но Лаваль остерегался упоминать, что взамен трёх специалистов возвращают только одного пленного. И в то время как в немецких лагерях для военнопленных 250 тыс. человек было превращено в «свободных рабочих», во Франции принудительная концентрация предприятий лишала работы многих рабочих и их пытались бригадами посылать в Германию. Очутившись перед фактом провала лозунга «смены», несмотря на весь сопровождавший его шантаж, правительство Виши 4 сентября 1942 г. декретировало трудовую повинность; это была конскрипция, призыв на обязательную службу немцам.

Новые испытания вскоре лишили Францию двух, оставшихся всё ещё сильными козырей, сохранённых ей перемирием, — армии и флота. Огромную надежду породила высадка союзников 8 ноября 1942 года. 11 ноября немецкому нашествию подверглась оставшаяся неоккупированная часть Франции. 27-го нацисты попытались овладеть французским флотом, стоявшим на якорь в Тулоне. За исключением мелких кораблей, которым удалось ускользнуть, флот затопили сами французы. 29-го была разоружена армия, и немцы отдали приказ о её демобилизации. Так испарились

все мнимые усилия, предпринимавшиеся якобы со времени перемирия для превращения этой, численно небольшой армии в высококачественный инструмент. Впоследствии она была издевательски заменена «первым полком Франции». В то время как генерал Делатр де Тассиньи пытался в Монпелье оказать сопротивление, немцы арестовали Вейгана и всех политических и военных деятелей, которые им казались способными вызвать мятежи.

Теперь, будучи хозяевами всей Франции, немцы могли ещё легче, чем раньше, получить полное удовлетворение своим требованиям на рабочую силу. После первого требования 150 тыс. рабочих, второе, в феврале 1943 г., выражается уже в 250 тыс., а следующее, в апреле, — в 400 тыс. человек. Мобилизация распространяется последовательно на все категории призывников, и закон от 5 февраля вводит для молодёжи двухгодичную трудовую повинность. Все призывники 1942 г. должны были быть посланы в Германию. Несмотря на террор, несмотря на аресты и угрозы, французы отказывались ехать в Германию. Всё же под военным конвоем поехало около 750 тыс. Те, которым удалось ускользнуть, оказались в рядах партизан либо вели полуподпольную жизнь.

Наступил момент, когда судьбы Франции не зависели уже от Визи даже в том ограниченном смысле, в каком это можно сказать о 1940—1941 годах.

Когда Петэн возвестил о перемирии, население Франции, кочевавшее по дорогам в поисках крова или пищи, бомбардируемое немецкими пикирующими бомбардировщиками и итальянскими самолётами и получающее пулёмётным дождём, не пыталось, естественно, отыскивать причины поражения. Альпийская армия боролась на два фронта, армия на линии Мажино защищалась в её укреплениях, вдоль Луары разрывались изолированные бои, но остатки армии, смешавшись с толпами кочующего гражданского населения, в беспорядке текли назад. Крушение страны объяснили причинами простыми: кричали об измене, о пятой колонне. Вот почему в этой величайшей неурядице захват власти Петэном и затем провозглашение перемирия не вызвало резкой реакции. Это давало надежду на немедленное прекращение переживаемых бедствий, открывало перспективу возвращения к довоенной жизни. Принятию горечи перемирия способствовала и личность «победителя у Вердена». Поскольку это он потребовал прекращения военных действий, думали, что другого выхода не было. Но постепенно можно было наблюдать, как обстановка совершенно изменялась: от восхваления, если не режима, то его главы, неотвратимо переходили к охлаждению, презрению, сопротивлению, освобождению. Конечно, уже с самого начала в июне 1940 г. находились люди, которые, зная, чего можно ожидать от Германии, отказывались склонить голову, но их число было тогда незначительным. Потом последовало возвращение кочующих по стране людей («исхода»), то задерживаемое немцами, то терпимое ими; сразу начались испытания с «Вопросы истории» № 12.

ограничениями во всех прежних удобствах, в частности с обменом корреспонденциями между зонами. Французы, вернувшись в свои города, нашли их наводнёнными зелёными мундирами, и если большинство, устремив свои взоры кверху, игнорировало новых обитателей, то находились и такие, кто восхвалял их «корректность» или, подобие парижских газет, превозносил благородство победителя. С приближением зимы возникли материальные трудности, отвлекавшие от политических проблем. В результате ли этих трудностей, вследствие ли жестокости поражения или реакции чувства национального достоинства, но, во всяком случае, масса населения оставалась безразличной к создаваемой вишійской пропагандой атмосфере всеяческого охаивания прошлого, публичных исповедей, выставляемого напоказ мазохизма.

В 1941 г. страна вышла из пассивного состояния. Немецкая пропаганда, развернувшаяся полным ходом через парижское радио и газеты, пыталась пробудить антибританские настроения, возбуждаемые событиями в Мер-эль-Кебире, а затем подчеркнуть «социалистический» и «европейский» характер «нового порядка». Эта позиция, которая должна была привлечь на свою сторону левые элементы, наталкивалась на пробудившийся патриотизм. Что касается вишійской пропаганды, то, убедившись в тщетности своих попыток осуществить возрождение Франции посредством покаяния, она стала подчёркивать добродетели национальной революции. Однако Спиносс был вынужден вслед за другими констатировать, что он «проповедует в пустыне». Вскоре правительственная пресса — бесспорный знак давления общественного мнения — перешла к обороне и старалась доказать патриотизм вождей нового режима, неизбежный характер перемирия и даже пробовала сравнивать «свободных французов» с эмигрантами 1789 года.

Всё же стал обозначаться разрыв между оккупированной зоной и зоной «ноно». Более требовательный патриотизм населения северной зоны сочетается с сознанием того, что оно больше угнетается: действительно, постоянное соприкосновение с оккупационными войсками, необходимость выполнять всякого рода требования, вечная угроза немецких репрессий — всё это делало существование в северной зоне более тягостным. К этому следует прибавить позицию парижских газет, которые не скупались на критику, подчас жестокою, вишійской реакции. Немцы радовались этому источнику непонимания — в южной зоне всё ещё продолжали твёрдо верить в маршала, если не в его святых, и аристократия нового режима спешила пользоваться своей недавней и непрочной властью.

Однако материальные условия, по крайней мере в городах, требовали всё более изнурительных хлопот. Франция, которая больше не получала ничего существенного из-за границы и из своей империи, могла бы, несомненно, обойтись своими собственными ресурсами, если бы они не шли на прокормление немецкой оккупационной армии и если бы немцы не отправляли в свою страну огромного количества всевозможного добра.

Чтобы иметь возможность прожить в этой нужде, была введена система натуральных поставок. Однако крестьяне, подкрепляясь легко используемыми патристическими аргументами, старались сдавать сборщикам всё меньшее количество продуктов. Впрочем, некоторые не брезговали продавать по высоким ценам свои съестные продукты рыскавшим по деревням горожанам.

Несмотря на возможность получать почтовые посылки, несмотря на наличие чёрного рынка и пригородных огородов, пищи не хватало и она была почти исключительно растительной. Эти условия не слишком благоприятствовали сотрудничеству с немцами. Враждебное отношение к сотрудничеству влекло враждебность к практиковавшему его правительству. Кроме того теперь появилась смутная надежда — 22 июня 1941 г. Гитлер сбросил на Россию; если ещё не смеют надеяться на победу русских, кажущуюся невероятной, судя по всему тому, что сообщалось о войне в Финляндии, то думают о том, что в России Гитлер истощит свои силы и что Англия воспользуется драгоценной отсрочкой.

В начале 1942 г. по дебатам Риомского суда французская реакция могла констатировать привязанность страны к демократическому режиму и её ненависть к Германии. Возвращение к власти Лавала в апреле этого года не могло прибавить симпатий к вишійскому правительству. Как бы он ни изображал себя желающим избавиться от лишнего балласта, положив конец всемогуществу военных, нехотя пытаясь оживить местные собрания, стараясь привлечь перебежчиков-синдикалистов, — французский народ знал истинную цену его окружению и ему самому. Лишь одни упорно верные режиму люди пытались ещё проводить различие между маршалом и его правительством.

Враждебность страны к вишійскому режиму наиболее ярко проявилась в связи с осуществлением «смены». Правда, на карту при этом были поставлены непосредственные интересы людей. Вся сентиментальная пропаганда, сопровождавшая ужасный шантаж, при проведении этого мероприятия оказалась весьма мало эффективной, и отправка в Германию могла происходить единственно лишь по принуждению со стороны службы трудовой повинности и с помощью полицейских мер.

Ноябрьские события 1942 г. имели ту задачу, что, несмотря на господствовавшее замешательство, противоречивые декларации, внезапные перемены взглядов военных руководителей, эти события положили конец всякой двусмысленности. Являлся ли маршал пленником или же он сам согласился на вступление немцев в южную зону, но фикция суверенного французского государства исчезла в тот момент, когда вся Франция подверглась нашествию, флот был потоплен, а армия распушена. Теперь было известно, что все меры, которые будут приняты, будут продиктованы немцами.

В 1943 г. утратили все иллюзии насчёт позиции французов также и немцы. Оплачивавшиеся ими марионетки ещё продолжали оспаривать друг у друга несуществующую

власть. В то же время, несмотря на тяжёлые материальные трудности, при дезорганизованном немецкими грабежами и бомбёжками союзников транспорте, при гораздо более трудном вследствие этого продовольственном снабжении и увеличивавшейся нужде, всё отчётливее становилось сопротивление нации. Значительно возросло число случаев неповиновения на работе. Более интенсивной стала террористическая борьба, отражавшая надежды и жестокое разочарование относительно неизбежности высадки союзников. Уничтожение демаркационной линии явилось символом единства страданий французов. Росла ненависть народа, и вишійские пропагандисты могли оправдывать существование правительства лишь ссылками на то, что оно якобы вносит смягчение в те бедствия, которые постигли страну. Они старались также делать ударение на красной опасности.

Во всё возрастающей по напряжённости атмосфере протекали первые месяцы 1944 года. Хотя в правительстве вошли последние отъявленные предатели, гнев немцев не имел больше границ. Народ с нетерпением ждал высадки союзников, но боялся тех мер, какие могли предпринять в связи с этим нацисты, в частности ареста всех здоровых мужчин. Правда, прекратилась отправка французского населения в Германию, что было скорее результатом невозможности обеспечить её, чем уступкой со стороны немцев. С треском провалилось проявленное правительством Виши в декабре 1943 г. слабое намерение попытаться вновь овладеть политической ситуацией, чтобы обеспечить возвращение к представительной системе. Отныне действительной властью стало движение сопротивления. Конвульсии и рывки агонизирующего вишійского государства выражались сперва в кровавых экспедициях, ответственность за которые должен нести Дарлан. В радиопередачах Энрио всё ещё старался изо всех сил нарисовать французам ужасы новой борьбы на нашей земле и обрисовать движение сопротивления как действия преступников и злодеев. Наконец, последний из этого трио, Деа, взял на себя возобновление посылки людей в Германию. У него, однако, не оказалось ни времени, ни возможности принести значительный вред.

Таким образом, почти вся Франция была настроена непримиримо враждебно к Германии. Но вне правительства Виши, возле него и в нём самом нашёлся ряд лиц, всеми силами поддерживавших немецкое господство. Люди эти были немногочисленны, но материальные и моральные опустошения, за которые они несли ответственность, были значительными. Если бы немцы не имели помощников, французов, то они вследствие своей неспособности понять Францию, несомненно, не смогли бы произвести таких опустошений. Эти предатели собирались почти изо всех политических направлений: предатели своих партий, они легко соскальзывали к предательству своего отечества.

Степень измены была различной, и вначале не все осознавали роль, которую игра-

ли. Всех их объединяла позиция, занятая ими с момента объявления войны, — все они были мюнхенцами и объявляли себя «пацифистами» впрямую, тем, кого они называли «сторонниками войны».

Некоторых из них, пришедших из крайне правого лагеря, давно прельстил авторитарный характер нацизма; другие пришли из левого лагеря и, желая осуществить равенство на гитлеровский режим, ставили акцент на аспекте «социалистическом» и «европейском». Лаваль играл роль связующего звена между ними и Виши.

Во главе всей компании были академики вроде абеля Боннара или кардинала Бодриллера, продажные журналисты типа Жан Лусера, растленные личности вроде Бринона. Но бесполезно задерживаться на этом перечислении. Посредством прессы, с одной стороны, через политические организации — с другой, они пытались развернуть деятельность из своей штабквартиры в Париже, пока некоторые из их руководителей не добрались до цели своих вожделений — до министерского портфеля. Их газеты подхватывали тематику немецкой пропаганды, излагая её по-французски. Они прибавляли сюда несколько демагогических тем и представлялись в виде глашатаев социальной революции, враждебной консерватизму в вишійской реакции. Из этих коллаборационистов некоторые, примкнувшие для того, чтобы воспользоваться выгодами, которые им временно сулило немецкое покровительство, стремились потом осторожно улизнуть, как только чаша весов начала явно склоняться на сторону союзников, то есть Франции. Те же, кто действительно оказался слишком заметным, полагая, что всё равно пропадать, всё более увязали в своём позоре и бесчестии.

Развитие деятельности так называемых массовых организаций можно разделить на две фазы. Первая из них относится к тому периоду, когда ещё отличались между собой режимы оккупированной и неоккупированной зон. В южной зоне создавался французский легион участников войны, пребывавший в служении исключительно одному Петану; он распался в тот именно момент, когда его захотели втянуть в авантюру более реального сотрудничества с немцами. В это же время в южной зоне неонацисты создали многочисленные, конкурирующие между собой организации. После унификации всей Франции под нацистской оккупацией милиция пыталась осуществить объединение этих организаций на всей французской территории.

Созданный законом от 29 августа 1940 г. легион должен был объединить всех бывших участников двух войн и заменить прежние ассоциации, которые были распущены. По мысли Петэна, легион должен был стать опорой для власти, чувствующей себя изолированной от наций. Но устав легиона определял его роль как осведомителя правительства об интригах, направленных против национальной революции. Легионер должен был принести почти безусловную присягу на верность. Доктрина легиона была так же

туманна, как и доктрина «национальной революции», но она не замедлила позаниматься лозунги дня, направленные против трестов, евреев, франкмасонов. Его руководители, сплошь назначенцы, гордившиеся только что полученной властью, спешили изобразить из себя местных царьков. Они засыпали официальную администрацию доносами и требованиями, претендовали на право вмешиваться в её деятельность. С целью контроля вносили расстройство в разные ведомства. Что касается массы рядовых членов легиона, то вначале она была достаточно многочисленна, особенно среди участников войны 1914—1918 гг. и бывших членов «Огненных Крестов».

Если легионеры охотно участвовали в различных организованных манифестациях, сопровождавшихся мессами, которые отслуживались на открытом воздухе, или же народными празднествами, то они куда менее расположены были к сотрудничеству с немцами. Кроме того полтора миллиона членов оказались силой, довольно аморфной и мало пригодной к деятельному участию в «приведении в порядок» страны. В конце концов возвращение к власти Лавалья в 1942 г. выразилось в свёртывании деятельности легиона. Лаваль, овернец и друг Лавалья, заменяет лордаринга Валентина, настроенного германофобски. Легион, потерпев полную неудачу у рабочих масс со времени организации своих групп на предприятиях, приходит во всё больший упадок. Он теряет членов, Лаваль сокращает его права, и деятельность его начинает ограничиваться рамками общественной службы.

30 января 1943 г. появился закон о создании милиции. Милиция, вышедшая из легионерской службы порядка, вначале группирует легионерскую молодёжь. Она быстро превращается во вспомогательную полицию, которая должна дублировать выходящую постепенно из милости национальную полицию. Составляется милиция всё более из наёмных лиц. Начальником милиции был Дариан. Её численность никогда не превышала 30 тыс. человек. С той поры вооружённая немцами, пользующаяся их помощью, находящаяся под начальством такого шефа, как войска СС, она пустилась на все виды насилия, стала сотрудничать с немцами в подавлении партизанского движения, действуя под командой немецкой полевой жандармерии; она предприняла ряд убийств, например, убийство Виктора Баха и его жены, затем убийство Мандела 7 июля 1944 г. в отместку за казнь Филиппа Энрио. Она попыталась ликвидировать партизанское движение, закрепившееся на плато Глнер в Верхней Савоие, и не смогла бы добиться этого без помощи немецких вооружённых сил. Преследования партизан порождают новые секатыбы жертв. Когда немецкая армия устремится назад к Рейну, вместе с ней, естественно, побегут и её слуги.

В оккупированной зоне рядом существовали «Французская народная партия» Дорио и две организации, порождённые поражением, — «Национальное народное объединение» Дея и «Социально-революционное движение» Делонкля. Рядом с ними возникали зародышевые организации опасных гангсте-

ров — такие, как организация Бюкара. Все эти организации были ещё более смехотворны по численности, чем милиция. С момента создания милиции южной зоны Деа спешит создать «Революционную национальную милицию», а Дорио — «Французскую Гвардию», — в действительности они являются их охранными группами. В дальнейшем эти также последуют за своими хозяевами в Германию. Другие группировки — «Рабочий комитет неотложной помощи», группа «Сотрудничество», «Движение пленных» — потонут во всеобщем презрении.

★

После высадки союзников Петэн и Лаваль в течение нескольких дней пытались обеспечить себе переходный период по своему собственному выбору. Как могли они ещё питать такую надежду? Попытки войти в контакт с генералом де Голлем, в том числе и попытка адмирала Офана, потерпели полную неудачу. Лаваль поспешил в Париж, — он хотел созвать Национальное собрание, которое избрало бы временное правительство. Чтобы достичь этого, он пытался сперва добиться от немцев объявления Парижа открытым городом. Затем он множил связи с парижскими собраниями и бывшими парламентариями. Он требовал и добивался от Абетца, чтобы ему вернули Эдуарда Эррио, который занимал достойную позицию и на которого американцы смотрели бы благо-

желательным оком. Таким образом, он мог бы без помех пустить вновь в ход парламентскую машину. Уже называют будущих министров. Но Эдуард Эррио, доставленный в городскую ратушу, оказывается настроенным враждебно. Ещё более враждебным он становится, когда один из членов Сопротивления сообщает ему о той реакции, которую вызвало его появление, и о форменной оппозиции Сопротивления тому решению, какое намечается Лавалем. В конце концов немцы, которым Бринон сигнализировал об опасности, решили вновь забрать Эррио.

Деа и Дарнан уже готовили свой отъезд в Германию. Наконец Абетц предупредил Лаваль, что его правительство требует, чтобы французское правительство уехало в Бельфор. С этой поры Лаваль слагает свои обязанности, предварительно уполномочив префектов Бюссьер и Буфф встретить союзников. 17 августа вечером Лаваль уезжает в Бельфор. В это время в Виши фон Рент-Финк старается убедить Петэна отправиться в Бельфор. В конце концов, под угрозой применения силы, Петэн покоряется; его отъезд произошёл 20 августа. Оттуда остатки «Французского государства» уезжают в Зигмаринген.

Вскоре на развалинах режима Виши создаются временные службы и учреждения, которые начнут готовить пришествие IV республики.